

СИНТЕЗ КАМНЯ И СЛОВА

Случайно ли признанный скульптор Виктор Остриков, чьи работы стали символами не только Тамбовщины, но и Российской истории, взялся за перо? Нет, конечно. Зачастую художнику, который перерос себя в определенных жанрах, направлениях, формах, материалах и так далее, хочется расширить горизонты своей творческой мастерской. Искусствоведы называют подобное явление синтезом искусств, когда художник соединяет совершенно разные виды творчества в некое художественное целое, которое наиболее полно выражает дух, мировоззрение, масштаб личности мастера, в конце концов, это попытка сотворения оригинального художественного явления.

Наиболее известная на сегодня работа скульптура Виктора Острикова — памятник «Тамбовскому мужику». Этот импрессионистический образ выражает не только трагедию русского крестьянства, но и формирует коды национального самосознания, корни которого лежат в фольклоре, в былинах и преданиях.

В этой связи примечательна еще одна его работа. Он создал на основе литературного произведения писателя-фольклориста Елены Чистяковой скульптурный образ девушки-сосны Пич-Авы. В основу этого литературно-скульптурного проекта легло местное предание о любви мордовского князя и прекрасной девушки Пич-Авы, чье имя дало название древнему селу Тамбовщины — Пичаево.

Не один год художник работал над созданием «Колокола Азии». Название скульптуры говорит само за себя, но на ее создание Острикова подтолкнули идеи Льва Гумилева. Ученый говорил: «Россия если выживет, то выживет Азией». «Колокол Азии» Острикова должен пробудить современную Россию.

Но как художнику ему интересна, прежде всего, интеграция культуры России с кочевыми империями, различными этносами. Поэтому во многих скульптурных работах прослеживается эта тема. Евразийство можно обнаружить и в образе основателя Тамбова Бобарыкина, и в скульптурном портрете мордовской девушки...

Важно отметить, что Виктор Остриков родился в 1949 году в Уральске. На его памяти быт, предания, традиции местных казаков, которые в понимании художника и есть настоящая евразийская Россия. В сущности, уральский казак — это скиф, о котором так красноречиво говорил Александр Блок. Виктор Сергеевич сделал немало карандашных набросков домов, хозяйственных построек, бытовых сцен степных русских рыцарей. Но в последнее время он издал несколько рассказов, повестей о культуре казачества, синтезируя камень и слово на почве Евразийства. В этой

связи интересен «Остров атамана Харко». Сейчас Остриков работает над «Адыгейской повестью».

Но что общего между скульптурами и литературными произведениями Виктора Острикова? В них есть импрессионистическая стихия, они эмоциональны, динамичны. Художник предпочитает работать с большими формами, но при этом для него важны бытовые детали, убранство, оружие, цвет, запахи, тактильные ощущения, без которых невозможно создать атмосферу, воздух, словом, жизнь произведения.

Виктор Остриков в 1975 году окончил Ленинградское художественное училище имени Валентина Серова (ныне художественный институт имени Рериха), скульптурное отделение. С 1970 года он активный участник Всесоюзных, зональных, городских, областных, групповых художественных выставок. По окончании училища был направлен в город Уральск, где проработал до 1980 года в художественно-производственных мастерских при отделе культуры города.

С 1980 года Остриков проживает в городе Тамбове. Работает в разных жанрах: монументальная скульптура, станковая скульптура, портрет, мелкая пластика.

Олег АЛЕШИН

*Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной.*

Владимир Высоцкий

Пробегая легкими шажками по брустверу траншеи, утренний ветерок поднял известковую пыль и рассыпал по лицам уснувших солдат. Высоко в небе зависла пицаль — птаха; первые лучи восходящего солнца уже скользнули по свежеврытым окопам. Холодная ночь постепенно сменялась утренней прохладой, но день, судя по приметам, обещал быть невыносимо жарким...

Сержант Потапов — бронбойщик, получивший боевое крещение еще на финской, умел не только наступать, но и обороняться. После изнурительного марш-броска он вместе с напарником оказался на небольшом бугорке. Здесь они получили приказ командира роты: вгрызаться, вгрызаться и замаскироваться жесткой степной травой.

— И чтоб я вас к утру не учуял, понятно? — рубанув рукой по воздуху, выпалил командир. Через секунду он скрылся в темноте, продолжая на ходу отдавать указания бойцам.

Когда сержант Потапов, не успев отдышаться, опустил на землю тяжелое противотанковое ружье, почему-то подумал, что это его последний окоп. При этом он не испытал никакого волнения, казалось, что был равнодушен к своей судьбе.

Следом упал напарник с коробками патронов. Они звякнули и приумолкли, словно была поставлена какая-то последняя точка здесь — на земле.

Жесты сержанта Павла Ивановича Потапова были уверенными, что говорило о его напористом характере. Квадратное лицо, обтянутое загоревшей, дубленой кожей, было как бы вырублено топором из крепкого дуба. Лысая голова, прикрытая пилоткой, устойчиво стояла на морщинистой коричневой шее. Глаза чуть раскосые, с прищуром, тонкие губы. Широкий лоб плавно переходил через переносицу вниз и заканчивался прямым толстым носом. Уши круглые, с длинными мочками. Глаза, казалось, выцвели от палящего солнечного зноя, как его гимнастерка. Она слипшимися складками округляла бочкообразный торс, опоясанный брезентовым ремнем. Справа на гимнастерке две нашивки — два ранения. Галифе чуть посвежее, но в заплатках на коленях. Кирзовые сапоги со скошенными каблуками. Все это ему досталось в наследство после последнего ранения: что было на складах в госпитале, в то и нарядили.

Грубые, разноплановые формы его облика излучали спокойствие и уверенность.

Потапов с напарником, сложив вещи и оружие в одно место, определили размер ячейки и по очереди стали долбить неподатливый суглинок вперемешку с известковыми гольшами.

Первым за дело взялся Потапов. Обхватив рукоять, он со всего размаху стал вгонять стальную пластину лопаты в каменистый грунт. Но ладони с натертыми кровавыми мозолями, пропотевшие, по-предательски не хотели держать черенок. Обессилев, он облокотился на край окопа и выдохнул: «Ну, молодой, давай, сгребай и наперед кидай горкой, горкой».

Напарник, видя, как первый номер упорно врезается в белый суглинок, прыгнул в окоп и ладонями стал выбрасывать землю на бруствер. Хотелось передохнуть, но он терпел. Ведь он напарник у самого Потапова! Сержанта, который, как говорят, коробки — немецкие танки — щелкал как семечки.

— Ну что, подскреб? Вылазь, — послышался его голос.

Сержант Потапов понимал, что там, на западе, сейчас под немецкие гусеницы ложится войсковой заслон, который давал им всего несколько часов, чтобы фашистам при наступлении было во что упереться.

— Я хочу, чтобы вы знали, что за нами земли нет, — сказал тихо комбат на перекличке.

А пулеметчики все долбили и долбили грунт... Но начинал раздражать старшина, который время от времени орал на Потапова.

— Плохо работаешь, плохо!

Потапов от злости понукал напарника, которому оставалось только

проклинать каменистый спасительный бугорок. К утру они, наконец, вошли в землю по грудь.

— Все. Перекур, — сказал Потапов и полез в карман за табачком.

Он уже начал обдумывать, как замаскировать позицию, но вдруг опять ниоткуда возник голос старшины: «Ну что, в полный рост?»

— Почти, еще два ряда и зачистим, — ответил Потапов,

— Ты, как всегда, первым окапываешься, но последним вылезает. Ладно, пойду соседей ваших погоняю.

По ячейкам пробежала команда нести котелки в ложину. Наконец-то подошла затерявшаяся со вчерашнего дня кухня.

Напарник, не дожидаясь вторичного приглашения, перевалил через насыпь, звеня посудой и волоча ленту отмотавшейся обмотки с правой ноги, скрылся в темноте.

— Вот бестолочь криворукая, сколько ни показывал, а она у него все равно болтается. И почему только на правой ноге? Вот вернется, я ему левую обмотку на правую поменяю. Может, тогда перестанет сползать? — промычал Потапов и сплюнул в сухую известковую пыль.

Всю дорогу из-за этой обмотки напарник отставал. Кто-то сзади наступал на нее, он спотыкался вместе с коробками и все время дергал за противотанковое ружье, мешая сержанту идти вперед.

Потапов обернулся, желая в очередной раз обматерить незадачливого солдата, но, увидев его очумелые от усталости глаза, остыл. Он помог ему закрепить на ноге обмотку, взвалил на себя почти весь ствол и, кривясь от боли, рванул вперед, словно вытягивая груженую телегу из болота.

Потапов почему-то вспомнил своего бывшего напарника, которого в недавнем бою резануло осколком так, что снесло половину черепа. Боец лежал на животе, зажав в онемевшей руке желтый патрон. Павел пытался разжать пальцы у своего товарища, но ничего не получалось.

В это время танки били прямой наводкой. Следующим разрывом его окутала темнота, а когда осела пыль, увидел рядом коробку с патронами, что опрокинулась, вывалив внутрь с желтыми гильзами. Схватив один и машинально отерев его о гимнастерку, вогнал в окно затворника и привычным движением дослал патрон в патронник.

Втащил ПТР на бруствер — и вовремя. Прямо на него, чуть наискось ползла в дыму квадратная башня немецкого танка. Покачивая набалдашником ствола, лязгая и наматывая на катки ветки и корни, машина вламывалась в густую растительность сада. Потапов следил за дрожащими верхушками деревьев и ждал его появления. Земля вибрировала мелкой дрожью. Шел он рывками, осторожно, заползая за пригорки и беспрестанно поливая свинцом впереди себя.

И вот, когда эта «тварь» вползла на пригорок, на секунду оголив днище, Потапов, прижав приклад, обтянутый кожей, покрепче к плечу, нажал на спусковой крючок.

Но следующий взрыв поднял Павла вместе с бронейбойкой. Он очнулся уже в окопе, куда его перебросило взрывной волной.

В голове звенело. Он постучал ладонями по ушам и понял — не оглох. Пошарив в белой известковой пыли, нашел коробку с патронами.левой рукой, поднимая приклад, а правой вгоняя патрон в патронник, выглянул из окопа. Танк кружился на месте, ужаленный патроном Павла.

Выглядывая тяжелой ствол на край окопа, он в ту же секунду увидел, как его недобитая «тварь» дернулась: резкий всплеск красного пламени отделил башню от гусениц. Потапов видел, как тяжело воспарила башня. Ствол, словно указательный палец, бесполезно грозил кому-то.

— Вот те на! Кто это добил «моего»?

— Иваныч! Гляди, слева еще заходит, — вдруг Павел услышал хриплый голос старшины.

— Зажигай его, а мы пехотуотрежем.

— Бей, Паша, а то нам хана.

Потапов закрутил головой. Из низко стелющегося дыма сначала показался ствол, а затем и танк. Гусеницы прятались за обочиной, поросшей кустарником. Раскинув ноги и прижав приклад, Потапов слился со своим бронебойным ружьем.

Вокруг него что-то горело, земля вибрировала, грунт поднимался от разрывов к небу. Но Потапов был сосредоточен. Сузив глаза и ища место, куда всадить бронебойно-зажигательный, ждал подходящего момента для точного выстрела. Тяжелая масса танка вминала в землю все, что попадалось на пути. Двигатель ревел от напряжения. И вот танк влез на бруствер, пытаясь сравнять с землей солдат в окопах, но при этом показал Потапову свою ахиллесову пятаку.

Потапов понял — попал!

Но танк продолжал елозить по окопам, издавая надрывный рев, смрад выхлопных газов и еще что-то неживое, противоестественное. Видно, механик совсем озверел и плохо понимал, что он на прицеле и по нему бьют.

Сержант уже более хладнокровно вбивал бронебойные заряды в моторную часть, под башню, по гусеницам...

И вот машина в последний раз дернулась и застыла. Через какие-то секунды из моторной части выползла струйка белого дыма, следом черно-сизое облачко, из которого вырывались сначала мелкие языки пламени, а потом появились огромные красные всполохи.

Бой нарастал...

На днях старшина приставил этого парня к Потапову. Он еще не успел к нему привыкнуть.

Напарник приволок какую-то смесь, состоящую из макарон, пшена и листьев. Еда не шла, Потапову хотелось только пить и спать...

Он проснулся от окрика старшины, который прошел мимо укрепления. Павел головой прислонился к холодной стали противотанкового ружья. Из земляного колодца он посмотрел на небо. На высоте ствола подвисла цветная тряпица. Ночью, когда долбили окоп, он обмотал конец ствола ПТР, защитив его от пыли и мелких камешков.

«Когда это я успел?» — улыбаясь, подумал сержант.

Отец на охоте всегда наказывал ему прикрывать тряпицей стволы, чтобы по ходу в него не попали сломанные ветки деревьев. При стрельбе от них может и дуло разорвать. Вот и он механически, по-хозяйски сделал это важное дело.

Вдруг он заметил, как по этой тряпице ползет букашка — кругленькая, красненькая, с черными точками.

— Божья коровка! И откуда ты взялась? И не страшно тебе на войне? — разговаривал сам с собой Потапов.

Павел слегка потряс ствол, чтобы букашка улетела прочь. Но жучок только ползал по тряпиче.

— Товарищ сержант, вы ее ноготком щелкните, и она полетит. Я так дома делал. Враз взлетит. Я на огороде их пулял. Наберу и щелкаю. Здорово получается! — неожиданно проснулся напарник.

Только теперь Потапов смог более внимательно рассмотреть этого парнишку. На него смотрели почти детские, цвета жидкой синьки, глаза. Припорошенные известковой пылью белесые ресницы моргали, как кедровые лапники, а губы, опухшие и потрескавшиеся, растянулись в улыбке, показав зубы, что находили друг на друга, и из всего ряда удивительно белые выделялись два первых, крупных, как саперные лопатки. По округлому лицу мелко рассыпались веснушки, собравшись плотно на кончике носа. Выросший в большой семье, состоящей из одних женщин — бабушки, мамы и сестер, — он только и слышал: «Наш младшенький, наш сахарный...» А мальчик мечтал об отце, который умер, когда Толику было три года. И вот на войне ему повстречался сильный, высокий, с твердым голосом и уверенными жестами человек, которому хотелось довериться.

— Показывай, коли знаешь, как это — щелчком, — сказал Потапов, уступая место напарнику.

Толик осторожно снял с тряпицы божью коровку. Стал ее рассматривать, переложив на ладонь.

— Не-е! Не полетит она! У нее крыло, кажись, сломано. Видно, оно не складывается совсем, — заключил рядовой Семушкин и посмотрел на сержанта.

— И что теперь? — с хрипотцой выдавил Павел.

Наступила пауза.

И вдруг их накрыла тень старшины: «О чем вы тут?»

Потапов быстро первым вылез из укрытия и доложил:

— Окоп вырыт по полному профилю и к бою готов. Патронов, правда, маловато, — отчеканил Павел.

— Божья коровка, улети на небо, там твои детки... — увлеченно запричитал Семушкин.

— Чего вы тут хреновней маетесь!

Семушкин из окопа выставил ладонь: «Это божья коровка, товарищ старшина, только она летать не может, но, видать, что хорошо ходит.»

— Я тебе рядового дал в напарники, чтобы ты его делу учил, а вы тут устроили ветеринарный пункт по лечению насекомых. Давай, Семушкин, дуй в обоз за патронами! Скажешь, я распорядился — десяток отмерят, — и, помедлив, добавил, — заодно загляни в медсанбат. Отнесешь раненую букашку, — заключил старшина.

Зажав в кулаке божью коровку, Толик выпрыгнул из окопа и побегал к обозу...

Он не понимал, как взрывной волной его отбросило куда-то в сторону. Толик очнулся и почувствовал, что по его лицу ползает божья коровка.

Он понял, что немцы начали артподготовку и пополз в укрытие — в ближайшую воронку, которая внезапно образовалась там, где он оставил старшину и сержанта.

СЛУЧАЙ НА РЫБАЛКЕ

Отрывок из повести

Подойдя к берегу, не стал заходить в реку, чтобы даже легким всплеском не обнаружить себя. Осмотрелся. Следов не заметил, значит, никто из рыбаков здесь не проходил, наверное, они сразу после разгрузки палаток, провианта и прочей поклажи ушли дальше по течению, полагая, что шум грузовика распугал в этой округе всю рыбу. Может, и хорошо, что ушли. Я почему-то был уверен, что мне обязательно повезет с уловом в этом месте, а нет — пойду пытаться счастье поближе к своим мужикам.

Размахнулся и забросил блесну подальше от берега.

Вода прозрачная. Вижу, как металлическая приманка подошла к плавающему бревну; я тут же выдернул ее из толщи воды, боясь зацепа.

Я забрасывал и забрасывал блесну, чутьем выискивая места, где может обитать крупная рыба, но все безуспешно. В конце концов, решил: попробую еще разик, и шабаш.

Последняя проводка «сковороды», так называл блесну дядя Коля, оказалась мне также пустой. И в момент, когда металлическая пустышка уже зависла над ленивой речной волной, из-за бревна выпрыгнула огромная рыбина и на лету заглотила приманку.

Я, признаться, оторопел от неожиданности. В каком-то оцепенении держал спиннинг в руках, а катушка визжала и разматывалась.

Очнулся, когда натянутая леска дернулась так, что я чуть не выронил спиннинг. Попытался намотать леску на катушку, но тщетно: такое ощущение, что по дну реки трактор ходит.

Руки тряслись, я не знал, что делать. Может, закричать? Позвать на помощь ребят? Но было стыдно признаться в своем бессилии.

Развернулся и побежал от берега, таща за собой спиннинг. Вода у берега вспучилась, брызги разлетались в разные стороны, а вместе с ними водоросли, листья и еще какой-то мусор.

И когда это чудовище оказалось на берегу, раззявив пасть, я выронил бамбуковую палку.

Я кричал или визжал, уже не помню, но как дикарь ринулся к своей добыче. Здоровенная, толстая рыбина, зажав блесну, неистово била хвостом, пытаясь сползти обратно в воду.

Не раздумывая, я сел на нее верхом. Мои руки скользили у грудных плавников, но сил не хватало, чтобы ее удержать. В пылу борьбы не заметил, как ладони проскользнули в жабры, и мои пальцы вышли из пасти с обратной стороны. Так я оказался в зубастом капкане.

Я заорал, что было сил. И тут прибежали мужики. Костя, как всегда, первый. Он схватил сучок, валявшийся под деревом, и давай бить рыбину по голове, пытаясь ее оглушить, но при этом он вбивал острые зубы рыбы, как сапожные гвозди, в мои ладони.

Дядя Коля и отшвырнул Костю. Мой спаситель вогнал сбоку пасти сук и таким рычагом, наконец-то, раскрыл пасть речному чудовищу.

Я оказался на свободе, но прыгал не от радости, а от неистовой боли: вдобавок к прокусанным кистям рук, колючие жабры ободрали кожу запястий.

Бекен оглядел раны и жестко изрек: «Расстегивай ширинку и мочись на руки».

Возражать не было сил, а тут же исполнил его приказ, но боль только усилилась. Это как огонь тушить огнем.

«Ну-ну! Ничего. Сейчас все пройдет. Потерпи», — добавил дядя Коля, смеясь.

Вокруг суетился Константин и приговаривал: «Терпи, казак! Вон какого «крокодила» вытащил — крестовую. Всех обловил».

Только теперь я посмотрел на свой трофей. Огромная рыбеха! Мох на ее голове лег крестообразной складкой. Теперь она уже вяло и беззлобно раскрывала пасть, словно зевая перед сном.

Водитель принес мешок, и ребята помогли ему засунуть в него рыбу. Толстая, как поросенок, она и на треть в него не вмещалась. Мощный хвост торчал как совковая лопата.

«Ну, ты и даешь, Острик! Такую, честно говоря, я никогда не ловил», — выпалил Мухин.

Он поднял мою бамбуковую палку с блесной, которая была размером в ладонь.

— Ничего себе. И где ты ее взял?

Я кивнул в сторону Бекена.

— А ты, старый водохлеб, из какого сундука вытащил эту железяку?

— Да он, — встрял, как всегда Константин, — от «заказа» стабилизатор отпилил. Теперь она, — и приседая, заходясь в хохоте, выкрикнул, — боком летать будет!

Здесь уже все загалдели. Кто-то потащил мешок к машине.

На треножнике в ведре закипала вода, бросили в него чай, добавили корень шиповника.

Мужики усадили меня на брезент и как «герою» налили в самую большую кружку терпкого, душистого чая. Бросили в нее четыре куска сахара. Константин, нарезав копченую колбасу, которую я только по праздникам и ел, сделал большой бутерброд и подал мне.

— Ну как? Болит еще? — тихо спросил Бекен.

— Немного. Пощипывает, — ответил я.

— Болеть будет дома, матери расскажешь, а она сходит к медику, что живет в соседнем доме. Она знает. А мы пойдем покидаем. Вечерка скоро.

Я остался с водителем. Руки ныли, я не знал, куда их девать, то прятал в карманы, то под мышки. Но при этом то и дело заглядывал под машину, где лежал мой «крокодил». Представлял, как мама обрадуется и скажет: «Мой кормилец!»

Вдруг по озерам прокатились раскаты выстрелов. Это охотники вышли на вечерку. А я вот кружу возле машины. Нет, пойду погуляю и посмотрю, как ловит Бекен.

Не стал спускаться вниз, где росли кусты, а пошел верхом овражка. Здесь была тропа, выбитая копытами коров. Запах сладкой солодки исходил от земли, что разогрелась за день. Внизу за полосой камыша кто-то рыбачил. Я крикнул: «Бекен!»

— Он дальше, — послышалось из камыша.

Продолжая оглядывать берег озера, я спустился в небольшую низину, заросшую осокой. В центре — узкой полоской пожелтевший камыш. Вправо овраг сужался и уходил в степь, а к озеру, наоборот, расширялся, обрастая ивами и американским кленом. Повыше, на бугорке, расположились серебристые тополя. Дальше к воде — широкая полоса осоки. Местами видна вода темно-коричневого цвета. Над осокой кружит малый орлан, подранков собирает. С той стороны в прогалине камыша, шлепая

крыльями по воде, промелькнули черные водоплавающие курицы-лысухи. По ним никто не стрелял, уток достаточно.

Шустрые. До самых морозов будут прятаться. А когда лед тонким слоем покроет озеро, все водные пернатые — на крыло. Лысухи — низом над камышом, степью, вдоль высохших озер в низовья Урала к Каспию, на южные разливы. Я школьную карту смотрел. Столько там ручейков, протоков, мне кажется, заблудиться можно. И так обдумывая, куда наши пернатые подадутся и кто останется на зимовку, перешел овраг с камышом в низине и поднялся на бугор.

Где же рыбаки? По камышам, что ли, попрятались? Или удалились на дальние плесы? И здесь заметил чуть ниже, метрах в тридцати, кустарник шиповника. Бордовые, крупные плоды облепили ветки и согнули их. Подойдя к колючему кусту, я стал аккуратно снимать ягоды — и в рот. Мясистые, сладкие, с небольшой долей кислинки, они обволакивали мой язык.

Насытившись, стал подниматься по склону. И там недалеко, около красивых тополей, стояли рыбаки.

Подойдя, узнал Бекена в длинном плаще, рядом — дядя Коля и еще пятеро из наших рыбаков. А вот за ними кто?

Один незнакомец среднего роста, в шапке, сдвинутой на затылок. Седые усы торчали, как у бобра. На нем теплые, стеганные штаны, на ногах ботинки, за плечом ружье, куртка опоясана патронташем. Он все курил, улыбался и ничего не говорил.

Рядом с ним, ближе к рыбакам, стоял второй рыбак, он был ниже ростом. Шапка-ушанка, теплые штаны, резиновые сапоги. Телогрейка опоясана патронташем, с которого свисали пять подстреленных уток. Он упирался на ствол ружья и что-то живо рассказывал моим мужикам.

Что-то знакомое было в седом охотнике, особенно когда он щурил глаза и улыбался. На широких скулах появлялись морщины.

Присмотревшись внимательно, я вдруг понял, что второй охотник — женщина. Значит, мужчина в ботинках по берегу ходил, а его подруга — по краю камышей, в воде.

Через минуту меня осенило! Мужчина в ботинках — это тот человек, портрет которого я видел в газете, он автор «Донских рассказов»! Эту книгу я несколько раз перечитывал.

И здесь я совсем обрел. От волнения все позабыл и никак не мог вспомнить его имени.

Компания тем временем продолжала беседовать. Усатый, выпустив дымок, неторопливо говорил и, закончив, махнув рукой с трубкой, засмеялся, обостря множество морщин на скулах. Женщина тоже что-то добавила, и уже вся компания загоготала.

Попроцались, и мои рыбаки повернулись ко мне, а парочка охотников пошла верхами в другую сторону. Там их поджидали двое. Видно, не хотели мешать разговорам и просто дожидались.

...Когда я начинаю работать над новой скульптурой, то у меня какое-то время поднимают кисти рук, воскрешая во мне боль и радость первого большого улова, а также память о встрече с человеком, чье имя известно всему миру.